

Письма на Землю

Посвящается Роберту Скотту и Дэвиду Боуи

корабельный календарь: 13 апреля 2306-го года
земной календарь: 8 марта 2330-го года

Привет, Земля!

Мы с тобой теперь в каком-то смысле близнецы; благодаря господам Эйнштейну и Лоренцу, Борну и фон Лауэ, Хафеле и Китингу. Близнецы в космологическом плане — ты стоишь на месте, а я удаляюсь от тебя на безумной скорости. 0.99999996 скорости света. Ну, и как ощущения?

Старт для меня был вчера, и мои-то ощущения еще крайне свежие. Но я допускаю, что ты, дорогая планета, вполне могла и подзабыть детали моего полета. Еще бы — за двадцать-то лет! Так что первые строки моего первого письма (а их, поверь, будут сотни) я, пожалуй, посвящу себе. Зовут меня капитан Том Фаренхайм, вэ-эм-эф, пи-эйч-ди, и тэ дэ, уроженец Колорадо Спрингс, Колорадо, мне тридцать четыре года и три месяца, и я буду первым человеком в мире, который увидит край Млечного пути. Неплохо для знакомства в баре, не правда ли? Мой корабль — спроектированный для меня и с моим непосредственным участием — пролетает сейчас где-то около звезды Глизе. Это довольно большая машина, и жилое пространство занимает лишь несколько процентов ее объема — остальное уходит на двигатель Эсселя-Шварца, системы жизнеобеспечения и, конечно, ансамбль. Первый ансамбль, установленный на космическом корабле, представьте себе. Сейчас, я предполагаю, ансамбли есть в каждом доме, но в мое время — вчера! — мы только-только их изобрели. Поэтому не удивляйтесь, что покажусь излишне хвастливым.

На случай, если реальность менее радужна, чем мои прогнозы, я объясню для широкой публики — ансамбль это прибор, позволяющий общаться быстрее скорости света. Никакой передачи материи — чистая информация. Никакой магии — чистая физика. Что-то связанное со спинами, с потными спинами наших рабов-электронов. Если два соседних электрона разделить, как разделяют при рождении сиамских близнецов, то электроны "запомнят" и будут "чувствовать" спины друг друга. И если повернуть спин одного электрона, то тут же повернется и второй. Нолик — единичка. Об остальном, дорогая Земля, ты можешь прочитать в библиотеке, а я, пожалуй, сэкономлю место — ансамбли настолько дорогие и сложные, а корабль раз в шесть дней автоматически посылает такие безумные объемы собранной разными сенсорами информации, что мои "личные" (ха! Я пишу целой планете!) письма не могут превышать тридцати двух тысяч бит. Это около страницы печатного текста — вот и приходится лапидарничать. Довольно физики, вернемся к лирике.

Жилая площадь корабля размером со средний двухэтажный дом в пригороде. Нам со

Шкипером тут за глаза хватает места. Спальня, салон с библиотекой (я настаивал на некотором количестве бумажных книг хотя, конечно, мне доступна гораздо гораздо более крупная электронная подборка), кухня, тренировочный зал, бассейн, душевая, лаборатория, капитанская рубка. Не хватает только французского окна и лужайки, на которой можно делать барбекю. Шкипер, конечно, скучает по колорадским лугам и лесам, но, думаю, он привыкнет. Остальная жилплощадь ушла под приборы — спектрографы и спектрометры, телескопы и микроскопы, снимающие на всех известных частотах видеокамеры, анализаторы образцов, которые добываются внешними манипуляторами — в общем, физико-химическая лаборатория, с упором на поиск зачатков, зародышей, ростков жизни. Жизнь — это важно. Человечеству надоело чувствовать себя одиноким. Правда, человечество?

Я вот совсем не одинок — у меня есть Шкипер. Мой верный лабрадор-трехлетка, натренированный на долгое пребывание в замкнутых пространствах, верный мне до последнего вздоха — кто может чувствовать себя одиноким с таким другом? Другой мой товарищ — корабельный ИИ. Он хороший парень, и совсем не похож на зануду Хала 3000 из классического фильма. Он подчеркнуто вежлив, дотошен, аккуратен, расторопен и пунктуален — я зову его Дживс. Дживс не возражает. Кроме того, Дживс чертовки хорошо играет в шахматы, готовит еду и пилотирует корабль, и иногда даже все одновременно.

Выделенное мне пространство для самовыражения, увы, кончается. Следующая связь только через шесть дней — ровно столько занимает перезарядка ансибля. У вас же пройдет примерно семьдесят два года, по году на мои два часа, так что считать разницу во времени будет не трудно. Не скучайте без меня, но и не забывайте меня окончательно, -- Ваш Том

корабельный календарь: 19 апреля 2306-го года
земной календарь: 15 декабря 2402-го года

Привет, Земля!

Сложно осознавать, что прошло каких-то жалких шесть дней, а большинство известных мне людей — мертвы. Сказать легко, а осознать — головой, мозгом, разумом — крайне сложно. Эта мысль не укладывается в повседневную логику, создает когнитивный диссонанс. Время ускользает как песок сквозь пальцы, как вода в слив раковины — неумолимо, неостановимо. И очень-очень быстро. Я уже опоздал сделать что-либо, о чем только мог подумать на Земле. Осталось не переживать по этому поводу и просто двигаться дальше. На край галактики. И обратно.

Я рад, что ты еще помнишь меня, Земля. У меня заняло добрых пять дней, чтобы разобрать все твои письма. Их очень много — ведь в мою сторону ансибль не нагружен "лишней" научной информацией — и все они прекрасны. Письма от детей, письма от подростков, письма от студентов-ученых, письма от пенсионеров, которые помнят мой

взлет. Очень много писем от девушек-поклонниц. Извините, милые, боюсь, я вам возрастом не подхожу. Я могу быть одновременно вашим прадедушкой и прапраправнуком. А то и больше. Я не могу ответить на все письма, увы — поэтому в следующий раз, Земля, пожалуйста, выбери одного оператора, который возьмет на себя труд и напишет мне одно письмо, составное, за всех. Я буду общаться с планетой на равных.

Я постараюсь очень кратко ответить на самые частые вопросы. Тебя, Земля, интересует мой распорядок дня; боюсь тебя разочаровать. Я не сильно отличаюсь от лентяя-фрилансера. Сегодня я встал в семь утра по корабельному времени, сделал зарядку, пробежал полтора километра по беговой дорожке вместе со Шкипером, принял душ (в одиночестве). Дживс приготовил и подал завтрак — свежие овощи, омлет, тосты, апельсиновый сок. Мы немного поспорили по поводу кофе — Дживс ревностно заботится о моем здоровье, но я убедил его, что одна чашка в день не повредит даже пятилетнему. Кофе, кстати, оказался преотличным. Во всеуслышание воздаю хвалу корабельному синтезатору пищи и его доблестному оператору — Дживсу!

После завтрака я немного поработал — починил расклеившийся было телескоп, поменял три филамента в мультимасс-спектрометре. Нашел потенциально слабый контакт в двигателе — до обеда чинил его. После обеда смотрел кино, "Касабланку". Часа в четыре ансибль дал сигнал и я кинулся писать тебе письмо, дорогая Земля. Ты у меня — главная и единственная, и даже не пытайся ревновать. Вот, закончу, отбарабаню свою страницу, и засяду за шахматы с Дживсом. Тот пока дерет меня как сидорову козу — хоть он и искусственный, но все же интеллект! Но и я тоже не лыком шит: сегодня начну с защиты Лужина, а продолжу гамбитом Реми.

Я знаю, что Дживс читает мои письма, — пусть-ка попробует раскусить мою шахматную стратегию!

Вечером засяду за какое-нибудь чтение. Начал тут перечитывать приключенческие романы, которые обожал в детстве, сегодня очередь "Острова сокровищ". Вчера был "Всадник без головы" и, если честно, я разочарован. Ну что за сопли, право слово? Такой детектив пропал...

Извини, Земля, Дживс из-за плеча подсказывает, что тебе, наверное, интереснее читать про межзвездные путешествия, чем про мое внеклассное чтение. Он в чем-то прав, но в чем-то и неправ. Дело в том, что у меня нет потрясающего вида из окна на бесконечно волшебное звездное небо. У меня и окна-то нет. На моей скорости все, что видно из воображаемого иллюминатора это чернь, беспроглядная темнота космического пространства. Я двигаюсь вместе со светом, не забыла? И я, увы, не могу рассказать тебе ничего нового про звезду Глизе, про космические туманности и черные дыры, про неведомые межпланетные тропинки и соцветия созвездий. Я их вижу, конечно — на экранах своих суперсовременных (а для тебя — архаичных) приборов. Но и ты, Земля, их

видишь. Так что мы, хоть и далеко друг от друга — на равных. Как там у вас, кстати, дела? Какое оно, будущее?

Пора заканчивать. Я так и не ответил на большинство твоих вопросов — но это и не так важно, согласись. Ведь люди, задавшие эти вопросы, уже давно выросли, повзрослели, женились, вышли замуж, родили детей, постарели. Некоторые умерли, как умерли мои родители и сверстники, мои школьные приятели и женщины, которых я когда-то любил. Все они утекли от меня — как песок сквозь пальцы, как вода в слив раковины. До встреч, -- Ваш Том.

корабельный календарь: 25 апреля 2306-го года
земной календарь: 6 мая 2474-го года

Привет, Земля!

И вам привет, Нэнси, — очень приятно с вами познакомиться. Надеюсь, это не последнее письмо, которое я вам пишу — все-таки, когда я улетал, медицина на Земле была очень приличной, и средняя продолжительность жизни перевалила за девяносто. Если вам сейчас двадцать один, у нас хорошие шансы "встретиться" еще раз, не так ли? Я очень благодарен Центру управления полетами за то, что они вняли моей просьбе и назначили оператора. Ваше письмо, Нэнси, получилось прекрасным — длинным, подробным, захватывающим, романтичным, лучше, чем любые доступные мне фантастические романы. Ваше письмо, Нэнси — настоящее путешествие в будущее.

Ну, а я, в свою очередь, отвечу услугой на услугу, и проведу для вас небольшую экскурсию по прошлому — по моему прошлому. Ведь это, если вдуматься, настоящий подарок для историка. Я помню события двухсотлетней давности, я лично участвовал в двух войнах и одном государственном перевороте — да я национальное достояние, черт побери! Кстати, спасибо за повышение в звании — с опозданием на полтора века, но все же. Я теперь настоящий Майор Том, и, что бы вы думали, я действительно парю самым необычным образом.

Ах, прошлое. Неделю назад был пуск. Пять лет назад я получил докторскую и подписал контракт с Трансатлантическим Транскосмическим Агентством. Девять лет назад я закончил мою — поверьте, блестящую, — военную карьеру с двумя Знаками отличия и одним Пурпурным сердцем. Почти пятнадцать лет назад я, сопляк, только что из колледжа, сидел напротив сержанта-вербовщика, заполнял форму за формой, анкету за анкетой и даже не предполагал, куда меня забросит судьба.

"Сынок", — сказал мне тогда сержант, — "Родине сейчас нужны башковитые парни. Забудь", — сказал мне сержант, — "о своей астме и близорукости. Армии важнее", — сказал мне сержант, — "что ты умеешь решать дифференциальные уравнения и знаешь, что такое парадокс Эйнштейна — Подольского — Розена". Вот парадоксом он меня и

купил. И действительно — армия оказалась полным-полна парадоксов, и для их разрешения и понимания потребовались не только дифференциальные уравнения, но и все остальное. Вообще все, что у меня было.

Война за Марс началась спустя четыре месяца после моего призыва. Как гром с ясного неба — на наши колонии напали, наших шахтеров убили. Наши шахтеры в долгу не остались — люди там жили суровые и костные. Сами, не дожидаясь прибытия властей, сколотили партизанский отряд, напали, поубивали, ограбили. Увы, не тех. Трехсторонний марсианский конфликт развязался в Межпланетную войну. Марс обагрился кровью, как писали во всех дешевых газетах. Нам, солдатам, повезло больше мирных жителей. Мы висели на земной орбите, в то время, как на Техас и Калифорнию падали атомные снаряды. Нас плющило от перегрузки в транспортных отсеках кораблей, когда догорал остров Шанхая. Нам тоже было непросто — я не случайно написал "плющило". Солдата наискосок от меня — Ларс Дженкинс, номер 4581120 — убил его же собственный носовой хрящ, войдя в мозг. Шлем оказался бракованный, один случай на миллион, но мы, сидевшие рядом с ним, этого не знали. Да и Ларсу от этого было не легче.

После этого сами боевые действия были менее впечатляющими. Три-четыре абордажных высадки в месяц, много крови, но мы привыкли. Помню, как отстрелил какому-то человеку руку. Он был в шлеме, и лица я не видел, даже не знал, мужчина это или женщина. Меня поразило, что он (она?) не кричал, а просто смотрел на хлещущую из плеча кровь, на оплавленный кусок рукава скафандра. А потом упала (упал?) навзничь. В меня тоже потом попали, три раза, в бедро, бок и грудь, и я три месяца пролежал в госпитале, в регенерационном саркофаге. Но это было кстати, потому что когда я вышел, война уже закончилась. А мне, к тому же, вылечили астму и близорукость, и все девушки были моими.

Неумолимый счетчик знаков показывает, что мне пора закругляться. Нэнси, милая Нэнси, я очень надеюсь, что вы мне напишете снова. А я расскажу вам про вторую войну, в которой я участвовал, и про Май Девяносто Девятого, про капусту и немного про королей. А вы расскажите о себе. До встреч,
-- Ваш Том

корабельный календарь: 1 мая 2306-го года
земной календарь: 16 января 2546-го года

Привет, Земля!

И здравствуйте, Нэнси. Я безумно тороплюсь, со всей скорости стучу по клавишам, чтобы суметь отправить письмо в ту же секунду, как загорится зеленая лампочка, и ансибль сообщит о своей готовности. Ведь каждое мое минутное промедление — это недели вашей жизни. И сколько бы вы не расписывали достижения современной земной гериатрии — я, со своей стороны, просто потороплюсь.

Я надеюсь, что у вас хорошая мирная жизнь. Поверьте моему опыту — не стоят они того, эти хрестоматийные "интересные времена". Жизнь, на самом деле, лучше всего, когда она скучна — как моя. А еще лучше, когда рядом есть тот, кто каждый день делает ее немного интереснее. Вы только не подумайте Нэнси, что я вас поучаю — вы уже старше меня, и все знаете лучше моего. Но я еще прекрасно помню восторженную двадцатилетнюю девушку, которая неделю назад жаловалась мне об отсутствии романтики и приключений.

Второе большое приключение моей жизни началось спустя два года после первого, когда я, свеженазначенный капитан боевого крейсера, патрулировал астероидный пояс. Этой войны ждали все, и в какой-то момент она просто началась, как начинается первый дождь после засушливого лета. Многие, кстати, вздохнули с облегчением — ожидание не самая приятная штука.

Мы напали на марсиан с тыла, как только они начали боевые действия. Нас называли агрессорами, но это было неоправданно — я сам видел марсианские линкоры, готовые лететь на землю, и сам жег с орбиты их атомное оружие. Эта война была почти бесконтактной — редкие десантные группы спускались на поверхность и зачищали оставшихся в живых солдат противника, но основные боевые действия были в небе. И мы победили, ошеломительно победили, по всем фронтам, во всех направлениях. Марс снова был наш.

Когда мы вернулись домой, нас называли кровавыми палачами и садистами. Я лично отдавал приказы о бомбежках, и в этих бомбежках гибли и мирные люди, так что отчасти это правда. Я предпочитаю об этом не думать, но это было. Стоило ли оно того — скажите мне вы, Нэнси? Как нас называют современные учебники истории?

Наверное, по-прежнему, кровавыми палачами и садистами.

После возвращения на Землю, я уволился из флота, получил все набившие оскомину награды и регалии и пошел учиться. Вернее, я думал, что учиться — судьба распорядилась так, что я по уши вляпался в политику и участвовал в перевороте М99, самым непосредственным образом. Докторскую по астрофизике я все-таки защитил, но много позже. А тогда, теплой осенью девяносто восьмого года я за каким-то чертом являлся на митинги и демонстрации, скрывая от большинства присутствующих, что я и есть тот самый палач и убийца, о многочисленных преступлениях которых веселые длинноволосые люди кричали в мегафоны.

Не могу сказать, что был так уж близок к людям, которые впоследствии стали Полпрезидентом Маккинли и Полпрезидентом Мганга, но я знал их лично и даже дал им пару советов. Как человек с военным прошлым. И они меня послушали. И мы знаем, к чему это привело. Я не хочу хвастаться или преувеличивать свои заслуги — было много

факторов, повлиявших на решение лидеров сопротивления — но идею о ненасильственном захвате предложил именно я. Не знаю, почему она пришла мне на ум именно в тот момент, и не знаю, каким образом я сумел донести ее до Мганги, но она сработала. И кровавая революция обернулась мирной сменой власти. Насколько слово "мирный" вообще может быть применимо в данном случае. Если у меня есть какие-то заслуги перед человечеством, то, наверное, вот этот маленький эпизод — главная из них.

Сразу после смены власти я уехал в Бостон и там доделал-таки докторскую. А потом пошел работать в Трансатлантическое Транскосмическое Агенство, загорелся этим проектом, напомнил Полпрезидентам о своем участии в их игре — и вот, миллиарды долларов и человеко-часов спустя, я здесь.

Милая Нэнси! Я всю неделю читал ваши письма. Огромное вам спасибо за то, что уделили время на то, чтобы поделиться со мной не только сводкой событий и куском земной истории, но и частью вашей собственной жизни. В конце концов, о чем еще писать одинокому космонавту, находящемуся за сотни световых лет от вас? Надеюсь, что пишу вам не в последний раз. До встреч,
-- Ваш Том

корабельный календарь: 7 мая 2306-го года
земной календарь: 3 сентября 2617-го года

Привет, Земля! Здравствуйте, Нэнси.

Я знаю, насколько этот вопрос нетактичен, но каким образом вы еще живы? Неужели земная медицина дошла до получения философского камня? Впрочем, я очень раз за вас, и бесконечно благодарен вам за ваши письма. Скоро заканчивается первый месяц моего более, чем сорокалетнего путешествия, и без вас мне было бы гораздо более одиноко.

Одиночество. На протяжении последних двух недель я старательно избегал ответа на самый часто встречающийся в письмах вопрос. Это неслучайно. Но я чувствую, что многим вам обязан, поэтому, вот, отвечаю. Как я вообще согласился на эту миссию? Как мог человек — не социопат, не сумасшедший, человек с образованием, — согласиться пережить всех своих современников, уйти из собственного времени, нырнуть в будущее на невообразимую глубину? Этот вопрос красной нитью проходит по всем вашим письмам, Нэнси. И я согласен, это ненормально. Хотя, право слово, кто из нас нормален? Вот вы, год за годом, десятилетие за десятилетием, пишете человеку, ответа которого можете не дожидаться. Теплые, настоящие письма, не новостные сводки. Почему? Как вы достигли такого уровня эмпатии, близости с другим, невероятно далеким человеческим существом?

Я всю жизнь был довольно одинок. Не считайте одиночество чем-то обязательно отрицательным — мне просто было интересно наедине с собой. Мне никто не был нужен.

В детстве у меня никогда не было настоящих друзей за пределами книжной полки. Родители позаботились о том, чтобы мне всегда было, что почитать, чем себя занять, и я не тратил времени на поиск друзей. Я был способным, вдумчивым и замкнутым ребенком. В школе я не испытывал никаких трудностей, но и к происходящему вокруг меня относился с определенной холодностью — словно между мной и окружающим миром стояла мембрана, не пропускающая сильные эмоции. Я называл ее эмбраной, считая себя крайне остроумным.

После школы я пошел в колледж, и там мое состояние только обострилось. Вместо вечеринок и гулянок до утра, я встречал рассвет в библиотеке. Меня дразнили, но несильно — дразнить меня было неинтересно, я не обижался, а мог, если что, и ответить. После колледжа меня с распростертыми объятиями ждала академическая среда, а я посмотрел на нее, пожал плечами и пошел в армию. Отчасти из патриотических соображений. Отчасти надеясь, что романтическая атмосфера товарищества и взаимовыручки, о которой я так много читал в родительской библиотеке, поможет мне пробить мою эмбрану и взглянуть на мир по-новому. Мне уже не терпелось взглянуть на мир по-новому.

Конечно, я ошибался. Армия двадцать четвертого века была армией одиночек. Да, пехотные столкновения были, но каждый из нас был заперт в боевом скафандре, в котором просто физически невозможно было подставить плечо или подать руку. Не знаю, насколько развиты боевые технологии у вас, Нэнси, но если вы представляете себе полк рыцарей в доспехах или батальон солдат в мундирах, вы очень далеки от истины. Наши скафандры назывались "цыплятами" — вообразите себе весьма неуклюжую двуногую машину высотой под четыре метра. В середине, там, где у курицы начинается шея, торчит голова в боевом шлеме, кажущаяся миниатюрной на фоне брони. Зрелище и смешное и страшное — мы шли друг на друга, птица на птицу, гусак на гусака, широкими рядами, стреляя без остановки, и единственной мерой нашей боевой доблести, нашего мастерства, была крепость скафандров, их способность остановить вражеский разряд плазмы. Полевые медики потеряли релевантность — раненых после боя подбирали на грузовиках, и уже на базе выколупывали из поврежденной брони, как тунца из консервной банки.

Нэнси, я должен вам кое в чем признаться. Я совершил должностное преступление, повредил государственное оборудование. Не тогда, в пылу войны, а сейчас, в спокойной, умиротворяющей атмосфере моего корабля. Я еще так много вам не рассказал, что пришлось взломать ансибль. Это оказалось проще, чем я думал — пакеты научных данных, которые он посылает на Землю, очень неплохо защищены от перехвата, но довольно слабо — от взлома на месте. Я просто стер весь пакет, освободив память ансибля, оставив нам предостаточно места для разговора. Подарив себе способность закончить письмо на собственных условиях и не прерывать его на самом интересном месте. Думаю, меня поймут.

Потому что место действительно самое интересное. Я-после-армии сильно отличался от меня-после-колледжа, но он все равно не полетел бы на край Млечного пути. Я был подавлен, растерян, у меня была легкая форма ПТСР, но я бы все еще не согласился бы на пожизненное заключение в камере-одиночке. Это изменилось только после Джулии. Получив увольнительную и пару сотен тысяч долларов, я решил вернуться в науку. Приехал в Бостон, подал бумаги в МИТ и Гарвард, снял комнату в гостинице. Вечером того же дня я пошел в небольшой бар по соседству, и там произошло знакомство, которое полностью изменило мою жизнь. Эмбрана лопнула.

История, как всегда, банальна. Но это отнюдь не значит, что она плоха. Поверьте, Нэнси, клише потому и становятся клише, что случаются раз за разом, но совершенно не устаревают. В этом случае со мной случилось, наверное, древнейшее клише в мире — я влюбился. Я уже писал, что мне никогда никто не был нужен. Это правда — до того самого момента. Я думаю, спустя триста лет после нашего романа, я могу рассказывать об этом совершенно спокойно. Сомневаюсь, что ее дети и внуки знают о наших отношениях.

История банальна. Мы познакомились, влюбились, стали жить вместе, все буквально за одну неделю. Мне никто никогда не был нужен, ей никто никогда не был нужен — мы оказались нужны друг другу. Это было абсолютно взаимное чувство. Мы вообще были крайне похожи. Она была чуть старше, на моем счету было две войны, на ее — один неудачный брак, и я не знаю, что было более травматичным. Она хотела ребенка, ее бывший муж — нет. Не договорились. Она была биоинженером, работала над автономными системами жизнеобеспечения. С ее подачи я пошел в студенческую политику, участвовал в дебатах, ходил на митинги, мы, обнявшись, стояли с ней на баррикадах, лежали в камере. Нас несколько раз довольно сильно поколотили, много арестовывали. Это все было для меня не важно — я был счастлив.

Джулия была идеальна. Я не видел ее уже три года, и уже не смогу описать ее так, как она того заслуживает — каждую черточку, каждую морщинку, каждую полуулыбку и кивок головы. Память — жестокая штука, она работает как сглаживающий фильтр, и вскоре после расставания у нас остаются только очень общие черты. Черные как космос волосы. Нежная улыбка. Яркие голубые глаза. Нос с небольшой горбинкой, тонкая шея. Джулия была моей первой и, вероятно, последней настоящей любовью. У меня были женщины и до нее — еще бы, у ветерана!, — но она была особенной. Джулия была моим первым и, вероятно, последним настоящим другом.

Я тоже был для нее идеален. Мы прожили вместе шесть лет, собирались пожениться. Нам было прекрасно вдвоем, и больше никто не было нужен. Она закончила свою докторскую и пошла работать в ТТА, разрабатывать свои системы для дальних полетов. Я закончил свою и пошел за ней. Там мы наткнулись на этот проект — уникальный, совершенно беспрецедентный случай, задумку сумасшедшего ученого. Мы начали помогать проектировать корабль, а потом увлеклись. Изначально — этого наверняка уже

никто из живущих на Земле не знает — этот проект предназначался для молодой пары. Среди условий полета было зачатие и рождение ребенка в глубоком космосе. ТТА хотело получить первого гражданина Вселенной.

Это сумасшедше амбициозная, невероятная идея. Во-первых, опыты над людьми, особенно над детьми, были строжайше запрещены. Во-вторых, эффекты глубокого космоса, звездных лучей, космической радиации на развивающийся организм предсказать не мог никто. Психологические последствия для ребенка, полностью изолированного от человеческого общества тоже не были изучены. ("Маугли" и "Тарзан" не считается.) Ни один человек в своем уме не пошел бы на это.

Мы были без ума. Мы были влюблены. Нам больше никто не был нужен. Мы очень-очень хотели ребенка. Мы были уверены в себе. Мы согласились.

История банальна. Я уже говорил, что был ранен в бедро. Реанимационный саркофаг, в который меня поместили, идеально восстановил поврежденные ткани — с одним "но". Никто не знает, было ли это последствием ранения или лечения, но когда мы с Джулией проходили медицинское обследование, обнаружилась одна простая вещь. Я оказался стерилен. Я был единственный человек, согласившийся пойти на этот эксперимент, и я был одним из немногих людей на Земле, которые не подходили. Я был не нужен.

Джулия очень хотела ребенка. Мы разошлись.

После ухода Джулии проект моментально попытались закрыть. Я приложил титанические усилия, чтобы его оставили — разговаривал с Полпрезидентом, бегал по сотням разных комиссий, убеждал, уговаривал, умолял. Я поменял цель проекта, мы разработали новое оборудования для обнаружения жизни. Проект превратился в поиск внеземных цивилизаций. Подтянулись спонсоры, правительство дало добро, и все снова было на ходу. Я перестроил жилую площадь корабля под одного человека и собаку. Мне было очень важно, чтобы этот проект остался жить. Это был мой ребенок. Наш ребенок.

Теперь вы знаете правду, Нэнси. Я полетел на край Млечного пути из-за женщины. "Как банально", — возможно, скажете вы. А вас предупреждали. В конце концов, довольно большое количество научных открытий, смелых подвигов и героических поступков совершались ровно по той же причине.

Вот и все, моя грустная сага. Я понимаю, что это письмо вам, Нэнси, — последнее. Надеюсь, я не напрасно его писал — излить душу, даже на бумаге, оказалось сложнее, чем я думал. Я очень рад, что ваша жизнь сложилась хорошо, мирно. Тихо. До свидания, Нэнси.

Дорогая Земля, не думай, что я забыл о тебе. У меня все нормально, первый месяц полета прошел без приключений. Шкипер жив-здоров, мы с ним каждый день пробегаем

по пять километров на беговой дорожке. Дживс бурчит и ругает меня за дурной образ жизни, но я убедил его, что красное вино полезно для кровообращения, а виски — для работы мозга. Перечитываю русских классиков. Они во многом правы. Я еще раз прошу прощения за удаленный пакет с информацией. Внеземной жизни пока (ожидаемо) не обнаружено. Мы до сих пор одиноки во Вселенной. Не скучайте без меня,
-- Ваш Том

корабельный календарь: 13 мая 2306-го года

земной календарь: 24 июня 2689-го года

Уважаемый капитан Дж. Мэллори,

Что значит "приостановлен"? Вы вообще понимаете, о чем говорите? Этот проект нельзя "приостановить", это как "приотрубить" спасательный трос водолаза посередине погружения. Я же останусь тут совсем один.

Я сам был в армии, и понимаю, какой бесчеловечной может быть строгая система. Вы пишете, что сейчас на Земле военное положение. Мне очень жаль. Я сочувствую пострадавшим. Как я уже говорил, я сам был на войне. Я понимаю, что во время войны приоритеты финансирования смещаются. Но все-таки, нельзя "приостанавливать" со мной связь. И данные, которые я пересылаю, тоже крайне важны для развития науки.

Я понимаю, что удалив прошлый пакет данных, я подверг риску весь проект. Мне жаль людей, которых из-за этого уволили. Я отдаю себе отчет в том, что работа нашего отдела ТТА была приостановлена на три четверти столетия. Я готов понести за это полную ответственность. Но экскоммуникация это слишком жестокое наказание даже за такой проступок. Следующий пакет придет еще через семьдесят два года. Если вы "приостановите" проект сейчас, вы уже никогда к нему не вернетесь. Я знаю, как работает армия.

Отсутствие видимых положительных результатов — тоже не повод останавливать исследования. Я нахожусь только в самом начале длинного, длинного пути. Мое путешествие должно занять сорок лет — двадцать туда и двадцать обратно. Я пока лечу меньше двух месяцев. Я пролетел чуть меньше четырехсот световых лет. Было бы недальновидно ожидать обнаружить жизнь на таком близком расстоянии от Земли — иначе мы бы обнаружили ее раньше. Я настоятельно рекомендую проявить терпение и предоставить решение о "приостановке" проекта ученым.

Через несколько лет точка весеннего равноденствия выйдет из созвездия Рыб, и начнется эра Водолея. Если верить некоторым людям, эра свободы, гуманизма и технологического совершенства. Я никогда не верил, что астрологические эры могут влиять на поведение людей на Земле, но сейчас готов. Я очень надеюсь, что вы сделаете правильный выбор. Очень жду вашего письма,

--Том Фаренхайм

корабельный календарь: 19 мая 2306-го года
земной календарь: 1 ноября 2761-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 25 мая 2306-го года
земной календарь: 5 июня 2833-го года

Всем, кого это касается,

Я не получил никакого ответа, ни малейшего подтверждения того, что мое предыдущее письмо было получено. Я прошу любого, кто сейчас это читает, ответить мне как можно скорее. Я майор Том Фаренхайм, ВВС США, пилот и единственный участник специальной миссии Трансатлантического Транскосмического Агенства по обнаружению внеземной жизни и достижения края галактики Млечный путь. Мой личный номер — хотя я и убежден, что за прошедшие столетия вся армейская бюрократия могла поменяться, — 4551969.

Я еще раз прошу любого, кто читает это сообщение, откликнуться. Я нахожусь в космическом корабле, и это единственное доступное мне средство коммуникации. Связь с Землей была потеряна по неизвестной мне причине. Я не знаю, связано ли это с неполадкой моего средства связи, приказом руководства ТТА или шожей земной организации или чем-то еще более серьезным. В последнем сообщении, которое я получил с Земли, упоминалась война.

Прошу откликнуться.

Пожалуйста.

-- Том Фаренхайм

корабельный календарь: 31 мая 2306-го года
земной календарь: 12 января 2905-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 12 июня 2306-го года
земной календарь: 18 июля 2977-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 18 июня 2306-го года
земной календарь: 14 ноября 3049-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 24 июня 2306-го года

земной календарь: 3 февраля 3121-го года

Привет, Земля!

Я так и не дождался от тебя никакого ответа, и решил написать сам, как безнадежно влюбленный пишет, надоедая, своей неприступной возлюбленной. Прости за высокопарность, я слегка пьян.

Куда ты делась, Земля? Что с тобой случилось? Мне — почему-то — очень важно это знать. Смешно сказать, но я даже надеюсь, что эти дуболомы из армии просто-напросто прикрыли мою программу. Что где-то есть забытая лаборатория со списанным, ненужным ансблем, который принимает мои письма и кучи этой бессмысленной теперь информации об отсутствии прочей жизни, кроме нашей. Что где-то есть старый подслеповатый ученый, который, щурясь, вчитывается в эти строки. Что у ученого есть ученик, а еще есть дочка, а еще есть дом, собака, кошка, и целый мир за окном. Город, страна, континент, хоть что-нибудь.

Я видел Марс, который бомбил мой линкор. Я помню, что делают плазменные заряды повышенной мощности. Я боюсь представить себе, что мы смогли придумать за эти семьсот лет. Я очень, очень хочу верить, что не придумали.

У меня — ха-ха — все нормально. Прекрасно даже. Дживса пришлось отключить, он слишком много возникал по поводу моего здоровья. Ну и хрен с ним. Бездушная железка.

Я никогда не мог предположить, что мне настолько нужно будет с кем-нибудь поговорить. Одиночество всегда было естественной для меня средой — но сейчас я тону в нем, оно сдавливает мой мозг. Мне никогда не был нужен никто по отдельности — но, оказывается, я не могу прожить без человечества в целом. Я продолжу писать письма в надежде, что кто-нибудь откликнется. Старый ученый с катарактами? Его студент? Его дочка? Его кошка? Кто-нибудь?

Planet Earth is blue, and there's nothing I can do.

-- Майор Том

корабельный календарь: 30 июня 2306-го года

земной календарь: 13 августа 3193-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 6 июля 2306-го года

земной календарь: 5 марта 3265-го года

Привет, Земля!

Поиски внеземной жизни пока не увенчались успехом. Я знаю, время у меня еще есть, но

все таки. Смешно подумать, но я начинаю подозревать, что у меня больше шансов наткнуться на инопланетную жизнь, чем на земную. Так что я продолжу искать. Точнее, я продолжу сидеть в своем прекрасном космическом корабле, который не могу развернуть (я пробовал) или вообще хоть как-то поменять существующую программу. Я не знаю, существует ли еще маленькая синяя планета, с которой я родом. Я превратился — точнее, вся Вселенная вокруг меня превратилась в огромную кошку Шрёдингера. Жива и нет. На месте и нет. Я не знаю. У меня нет другого способа узнать, как кричать, кричать во все легкие, раздирая себе горло: ответьте мне! Услышьте меня! Я тут! Вот он, я!

Я теперь понимаю, почему в последние десятилетия моей жизни на Земле человечество было так озабочено инопланетной жизнью. Это же то же самое, что сейчас происходит со мной — отсутствие такого же, как ты, отсутствие собрата. Человечество загибалось от одиночества. Отсюда все стрессы, все конфликты, вся паранойя. Человечество крутилось, подвешенное в бескрайнем, бесконечном, черном космосе, совершенно одно. О, как я его понимаю. Одиночество — страшная штука.

Если я все-таки наткнусь на кого-то, интересно, Земля откликнется? Ответит, вернется к заброшенному эксперименту? Может, она просто затаилась, Земля, может она выжидает результатов? Может, это охота — я, ни о чем не подозревающая приманка, червяк на крючке, и Земля, которая сохраняет радиомолчание, чтобы не спугнуть какую-нибудь инопланетную рыбину? Может, проще было просто кинуть динамитную шашку? В конце концов, эти методы всегда более эффективны.

А может, это все такой хитрый трюк земных психологов? Может, в этом и заключается исследование? Ввергнуть испытуемого в бездну отчаяния, в темноту собственного я. Может, вообще нет никакого космического корабля? Может, я лежу в бункере ТТА, спустя три земных, ЗЕМНЫХ месяца после "старта", может за мой сейчас наблюдает консилиум ученых, со скрытыми камерами? Может, все симулировано, подделано? Была ли Нэнси на самом деле? Как она могла прожить столько времени, почти двести лет? Это чушь, бред, я сам в это теперь не верю. Но ее письма казались такими реальными... Был ли на самом деле суровый и официальный капитан Дж. Мэллори? Была ли война? Может, это все просто реалити-шоу, на потеху публике, и за мной наблюдает вся планета? Привет, Земля! Помаши ручкой.

Я не знаю. Одиноки ли мы во вселенной? Одинок ли я во вселенной?

Я больше ничего не знаю.

-- Ваш (чей?) Том

корабельный календарь: 12 июля 2306-го года

земной календарь: 2 января 3337-го года

Прошло больше тысячи лет с моего старта.

корабельный календарь: 18 июля 2306-го года

земной календарь: 15 марта 3409-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 24 июля 2306-го года

земной календарь: 12 января 3481-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 30 июля 2306-го года

земной календарь: 14 ноября 3553-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 5 августа 2306-го года

земной календарь: 3 февраля 3625-го года

Привет, Земля!

Извини, если отвлекаю тебя от чего-то важного. Просто захотелось узнать, как у тебя дела. Тут такое дело — я, кажется, уже начал тебя забывать. Твои черты, твое... твою внешность. Пока что только мелочи — форму заливов и контуры речных русл. Но с этого все и начинается. О, у меня есть куча информации про тебя, в моем распоряжении сотни фильмов, где ты предстаешь во всей красе. Но это немного не то, ты же понимаешь. Да и устарело. Буду рад, если пришлешь новую фотографию.

Интересно были ли сделаны проведены другие такие полеты, кроме моего? Болтаются ли где-то еще, в невесомости и неизвестности, другие космонавты? Или, может, семьи, целые города с настоящими, храбрыми людьми, которые решили устремиться навстречу неизвестности ради науки, но при этом не обрекать себя на камеру-одиночку? Наверное, мне тоже стоило так сделать, подождать пару лет, набрать команду, полететь всем вместе? Я был бы их храбрым капитаном, бесстрашным, решительным. У меня был бы первый помощник, бесшабашный и веселый малый. Был бы ворчливый доктор с тремя медсестрами, был бы навигатор, остальные члены команды. Даже пара биологов, на случай, если мы все-таки встретим каких-нибудь инопланетных тварей. Мы бы весело и смело летели на границу Млечного пути и обратно.

А может, наоборот, мы бы попали в западню коварных пришельцев, и они бы мучали нас, раздирая на органы, проверяя, что у нас внутри, как мы устроены. Показывали бы нас в своих зоопарках, голых, обозленных, озверевших.

А может, мы бы просто взорвались на старте.

-- Ваш Том

корабельный календарь: 11 августа 2306-го года

земной календарь: 1 апреля 3697-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 17 августа 2306-го года
земной календарь: 27 сентября 3769-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 23 августа 2306-го года
земной календарь: 17 мая 3841-го года

Привет, Земля.

Четыре дня назад заболел Шкипер. Я перерыл все доступные мне ветеринарные справочники, но ничего, в точности соответствующего его симптомам пока не нашел. Дживс тоже затрудняется с диагнозом, а значит, это неизвестная на Земле болезнь. Это не внешний вирус или инфекция — они бы не проникли на наш корабль, да и их бы засекли все эти чертовы датчики внеземной жизни. А это значит, либо болезнь вызвана глубоким космосом напрямую, либо что-то вызвало мутацию в бактериях, которые мы привезли в наших телах.

Симптомы напоминают острую пневмонию — слабость, температура, сильный, хриплый кашель. Глаза заметно покраснели, вчера Шкипер харкал кровью. В моче тоже кровь. Сегодня он не мог встать со своего места. Сильный тремор в задних лапах. Ночью ему было очень больно, пришлось вколоть обезболивающее. Я не знаю, что мне делать. Как будто его тело просто отключается, отказывается работать, разваливается на куски.

У меня пока что ни одного из этих симптомов не наблюдается. Что, впрочем, не значит, что я не заболею, если это действительно космос кусается. Дживс приготовил мне какую-то дикую смесь, которая должна закалить и усилить мою иммунную систему. Если это все-таки кто-то читает — это сообщение может спасти чью-то жизнь. При первых признаках недомогания у себя, я напишу.

Я не знаю, что делать со Шкипером. Сегодня его состояние более-менее стабильно, по всей видимости острый приступ прошел. Надеюсь, он поправится, хотя в моей ситуации уже довольно глупо хоть на что-то надеяться. По этой же причине не прошу помощи.
-- Том Фаренхайм

корабельный календарь: 29 августа 2306-го года
земной календарь: 2 января 3913-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 4 сентября 2306-го года
земной календарь: 7 августа 3985-го года

Теперь я знаю, что такое настоящее одиночество.

корабельный календарь: 10 сентября 2306-го года

земной календарь: 20 мая 4057-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 16 сентября 2306-го года

земной календарь: 8 апреля 4129-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 22 сентября 2306-го года

земной календарь: 28 июля 4201-го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 28 сентября 2306-го года

земной календарь: 19 декабря 4273го года

(пустое сообщение)

корабельный календарь: 4 октября 2306-го года

земной календарь: 1 февраля 4345-го года

Я обязательно вернусь домой.